

Г. В. КУБАСЬ

РАБОЧИЕ КОМИТЕТЫ КУЗБАССА

КУБАСЬ Галина Владимировна — социолог из г. Кемерово, слушатель Высших социологических курсов при Высшей комсомольской школе ЦК ВЛКСМ. В нашем журнале публикуется впервые.

В советском обществоведении долгое время господствовала точка зрения, что с победой социалистической революции и построением социализма у рабочего класса в СССР нет собственных, отличных от других слоев общества целей и задач, следовательно, классические методы борьбы рабочих неприемлемы в решении возникающих социальных проблем.

Реальные события лета 1989 г.- забастовки шахтеров почти всех угольных бассейнов страны — не только опровергли подобные убеждения, но и доказали, насколько велик потенциал рабочего класса. Вместе с тем в советской науке фактически отсутствует теория развития рабочего движения в условиях социализма. Ее разработке должен предшествовать тщательный анализ реального хода событий и сложившихся форм организации рабочих.

Прежде чем рассматривать деятельность рабочих комитетов Кузбасса, целесообразно, на наш взгляд, изучить их структуру и функции, динамику персонального состава.

Стихийно возникшее на угольных предприятиях Кузбасса забастовочное движение выявило целый ряд рабочих лидеров, способных эффективно отстаивать интересы трудящихся. На конференциях и собраниях коллективов формировались стачечные комитеты, наделявшиеся всей полнотой власти в рамках предприятия. Аналогично создавались районные, городские стачкомы. Не имея формально никакой власти, комитеты стали осуществлять фактически полный контроль за обстановкой, включая в сферу своего влияния все стороны жизнедеятельности городов и поселков. Уже на пятый день забастовки в г. Прокопьевске избрали объединенный забастовочный комитет. Впоследствии он был переименован в региональный совет рабочих комитетов Кузбасса со статусом общественной организации. Таким образом узаконены его полномочия и поставлены две главные задачи: всемерное развитие экономической перестройки в стране, а также содействие реализации соглашения с правительством и контроль за его выполнением.

По своей масштабности две выдвинутые задачи совершенно разные. В итоге очень трудно выделить ту сферу, к которой следует относить деятельность рабочих комитетов. Кроме того, совет, согласно положению о его статусе, должен осуществлять координацию действий районных, городских комитетов, защищать социально-экономические права членов совета, проводить постоянную работу с заявлениями и жалобами трудящихся, иногда экстренно вмешиваться в какое-то конкретное событие. Признанием того, что все означенные функции активно реализуются, в сложившихся условиях стало заявление председателя облисполкома А. Ф. Лютенко о фактическом наличии двоевластия в области [1].

Первоначально (на 17 июля) в состав регионального совета входило 27 человек - представителей 12 главных угледобывающих центров области. На основании решений советов трудовых коллективов за членом рабочего комитета сохранялась среднемесячная заработная плата и прежнее место работы. Всего, с учетом движе-

ния кадров, в состав регионального совета за четыре месяца избиралось 37 человек, из них с 17 июля до конца ноября постоянно работают 12. Каковы же причины ухода из совета?

По данным, полученным 21 ноября 1989 г. от трех руководящих членов регионального совета, выявлено следующее: из 37 членов отозваны СТК-6 человек; самоустранились от работы без видимых причин — 6; отозваны и замещены городскими рабочими комитетами — 3. Таким образом, всего из состава совета за четыре месяца вышли 17 человек, что составило 46% избранных.

Можно заметить некоторые особенности в изменении состава регионального совета. Например, наиболее устойчивой оказалась группа со средним специальным и высшим образованием. Из 9 человек с дипломами вузов, избранных в июле, до конца ноября продолжали работать шестеро (67%), а со средним специальным образованием 3 из 5 (60%). в то время как из лиц, имеющих за плечами десятилетку, включая ГИТУ, из И осталось только 2 (18%). На наш взгляд, это объясняется рядом причин, в первую очередь, усложнением задач, вставших перед советом рабочих комитетов, а также лучшей подготовленностью к их решению людей с более высоким уровнем образования. Одного энтузиазма, решительности и желания оказалось явно недостаточно. Заметны и изменения в составе совета по возрастному признаку: проявилась общая тенденция отхода молодежи от рабочего движения.

Забастовочные (рабочие) комитеты создавались на шахтах Кузбасса не только как органы поддержания общественного порядка, регулирования процессов жизнеобеспечения бастующих и всего населения области. но главным образом, для выражения и отстаивания требований трудящихся, выдвинутых в ходе забастовки. Итогом переговоров между правительственной комиссией и региональным забастовочным (рабочим) комитетом стало подписание 18 июля совместного «Протокола о согласованных мерах по выполнению требований бастующих».

Большая часть долгосрочных мер, включенных в Протокол, распространяется на все предприятия Минуглепрома и решается исключительно центральными органами власти. К срочным мы относим те пункты, сроки выполнения которых не превышают трех месяцев. Анализируя Протокол, видим, что более 80% пунктов, требующих централизованного финансирования, касаются срочных мер, при этом в значительной части из них (более 75%) говорится о чисто экономических. При существующих финансовых трудностях можно предположить, что данные меры были согласованы более как политический маневр, как попытка быстрее погасить возникший конфликт, нежели как взвешенное решение, подкрепленное возможностью в короткие сроки добиться его выполнения.

Основанием для подобного предположения стал и тот факт, что ко времени, когда пишутся эти строки, срок, отведенный для реализации срочных мер, уже истек. Однако существенная часть требований не выполнена. По данным облисполкома «...из 43 пунктов, принятых к исполнению, выполнены 20, находятся в работе 9, направлены для решения правительства 14 пунктов...» [2]; по данным обкома КПСС «...из 43 пунктов выполнено 23.... по 12 — вопросы для решения направлены в вышестоящие органы...» [3]. Наконец, по сведениям регионального совета рабочих комитетов Кузбасса, выполнено 11 из 44 пунктов, совершенно не выполняются 17, имеющих первостепенное значение для региона» [4].

С учетом этого рассмотрим взаимоотношения рабочих комитетов с официальными структурами власти и общественными организациями разного уровня. Говорить о реальной расстановке сил между ними в настоящее время можно лишь с определенными оговорками. Остановимся на этом подробнее. Косвенным индикатором политической стабильности общества наряду с другими факторами является, на наш взгляд, степень доверия населения к традиционным структурам власти при решении тех или иных проблем. В результате исследования, проведенного сразу

после забастовки сотрудниками ВЦИОМ, абсолютное преимущество с точки зрения доверия участников забастовки получили именно рабочие (забастовочные) комитеты. В целом им было отдано свыше 80% голосов, в то время как традиционным властным структурам - около 11% и народным депутатам - чуть больше 12% [5, с. 7-8].

Сейчас деятельность рабочих комитетов на местах и регионального совета, по всей видимости, стала менее, масштабной в сравнении с июлем 1989 г., когда официальные власти просто не могли проконтролировать обстановку в городах области, «...все неработающие и работающие предприятия подчинялись только стачкому, порядок на улицах поддерживали пикеты рабочих... своей властью комитеты должны были не только запрещать работать целым предприятиям, но и запрещать не работать, что в условиях забастовки вдвойне сложно» [6]. Однако по мере накопления опыта, решения становились все более основательными и взвешенными. Сам факт, что и через четыре месяца после окончания забастовки орган забастовочного движения продолжал функционировать, осуществлять контроль за выполнением Протокола и сохранял среди трудящихся авторитет, имеет огромное значение.

Волна массовых забастовок, к 17 июля охватившая в Кузбассе 158 предприятий с общей численностью работающих 177682 человек [7] и означавшая зарождение и развитие рабочего движения в стране, вызвала неоднозначную реакцию как у населения, так и у партийных, советских, хозяйственных руководителей области всех рангов. Ярыми противниками бастующих стали хозяйственные органы в лице территориальных объединений. Это чувствовалось и в ходе забастовки, и, особенно, после нее. Особенно сильным было влияние производственных объединений в городах региона, где сосредоточены их управленческие структуры. Почувствовав в рабочих комитетах реальную силу и опасаясь категоричности требований по ликвидации этого звена хозяйственного управления, производственные объединения первыми изыскивали возможности оказания помощи рабочим комитетам транспортом, множительной техникой, финансами. Однако поскольку в требованиях шахтеров пункт о реорганизации объединений не сходил с повестки дня, более того, в ходе борьбы за хозяйственную самостоятельность приобретал особое значение, из временных союзников аппарат объединений, отходя от поддержки бастующих, превращался в инициатора и исполнителя наиболее консервативных решений. Предпринимались неоднократные попытки внести дезорганизацию в деятельность рабочих комитетов. Лидерам рабочего движения, например, предлагалось принять руководящие должности в объединениях. Ясно, что в сложившейся системе отраслевого управления даже радикально настроенный руководитель не смог бы успешно работать, не растеряв доверие рабочих. Так что последние справедливо рассматривали эти предложения как попытку подкупа и создания рабочей аристократии, попытку раскола движения. Другая ситуация сложилась в районах, где нет управлений территориальных угольных объединений. Здесь горкомы партии и горисполкомы увидели в рабочих комитетах именно ту силу, которая способна оказать влияние на хозяйственные органы и, как следствие, решить часть наиболее острых проблем этих районов и городов.

Тем не менее реакцией на требования политических изменений (о досрочных выборах в местные Советы, о переизбрании ряда партийных руководителей и прочее) стала консолидация антизабастовочных и антиперестроечных сил. Применялись все возможные способы прямого и косвенного давления на участников забастовочного движения. Так, в г. Белове коммунистам, членам городского рабочего комитета, по их словам, предложили сделать выбор: либо вступить в Союз трудящихся Кузбасса, либо сохранить свое членство в КПСС. Это происходило уже в октябре—ноябре, когда давно официально были признаны законными и сами выступления шахтеров, и выдвинутые ими требования.

Во время интервью с семью членами совета выяснилось, что как в ходе, так и после забастовки, несмотря на нестандартную обстановку, практически не наблюдалось расхождений в позициях партийных и советских органов на местах. Это показывает, что партийные органы осуществляли фактическую координацию действий всех противников забастовок, а у Советов, соответственно, опять оказался дефицит собственного мнения.

Практически все опрошенные назвали главными противниками выполнения основных пунктов протокола (о региональном хозрасчете, самостоятельности предприятий) центральные министерства и ведомства. На территории Кемеровской области 93% предприятий и объединений имеют союзное и республиканское подчинение. Проводя «колониальную» политику по выкачиванию ресурсов из Кузбасса, центральный аппарат менее всего думал о развитии социальной инфраструктуры. Требование восстановить справедливость встретило активное сопротивление. Именно так было расценено в области заявление министра угольной промышленности М. И. Щадова о том, что с 16 октября 1989 г. прекращается оплата освобожденным членам рабочих комитетов: «...разгонять не имеем права, но платить больше не будем» [7]. Областной совет рабочих комитетов охарактеризовал заявление министра как «вмешательство во внутренние дела» Советов трудовых коллективов, которые единственно полномочны принимать такие решения по оплате труда своих товарищей.

Нельзя, на наш взгляд, не коснуться и вопроса о характере отношения рабочих комитетов с профсоюзными организациями области. Прошедший в августе внеочередной пленум областного совета профсоюзов так оценил положение: «В ходе забастовок некоторые руководители профсоюзных организаций не пытались овладеть ситуацией и оказались в стороне от борьбы трудящихся за свои права. В результате потеряли авторитет и доверие в своих коллективах» [8]. Как вполне закономерный процесс воспринимался в этой обстановке факт переизбрания и признания работы первичных профорганизаций неудовлетворительной в ходе развернувшейся отчетно-выборной кампании. Со стороны облпрофа была предпринята попытка создания в противовес рабочим комитетам районных и городских советов трудовых коллективов и проведение их первой конференции, однако раскола рабочего движения, к чести советов трудовых коллективов, не произошло, конференция пошла не по профсоюзному сценарию [9].

Резко столкнулись интересы профсоюзных и рабочих комитетов и при обсуждении Закона о разрешении трудовых споров. Профсоюзы еще к апрелю 1989 г. подготовили первоначальный вариант, но как всегда слишком медленно решали текущие вопросы [10]. Забастовки шахтеров лишь ускорили подготовку и принятие Закона.

Областной совет рабочих комитетов рассмотрел вопрос об отношении к этому документу [7]. На заседание был приглашен зам. прокурора области, но и с его помощью члены совета не смогли точно определить, как же применять документ в конкретных ситуациях и подходит ли он вообще к забастовке и к обстановке, сложившейся в области. Это вполне объяснимо, т. к. в требованиях шахтеров немало пунктов, которые нельзя квалифицировать как трудовой спор между коллективом предприятия и администрацией, например, те же требования о введении регионального хозрасчета или о прекращении строительства Крапивинского гидроузла.

Многие пункты — это свидетельство конфликта между «центром» и регионом. Надо думать, что по этой же причине не выполняется и решение облисполкома о приведении статуса рабочих комитетов в соответствие с Законом о порядке разрешения трудовых споров.

Забастовочное движение в области и создание новых общественных образований в ходе его развития - явление достаточно неординарное, а потому и вызываю-

щее значительное расхождение мнений людей. Рассмотрим, например, позицию работающей молодежи и оценку ее действий членами рабочих комитетов.

По данным исследования, проведенного ВЦИОМ, эта (вербальная) позиция существенно отличалась от мнения и оценок лиц старше 50 лет. Среди молодых рабочих оказалось в семь раз меньше тех, кто присоединился к забастовке под давлением - 3% против 21% у тех, кому за 50 [5, с. 11].

Опрос членов регионального совета по оценке степени активности молодежи как в ходе забастовки, так и после нее показал, что они единодушно считают работающую молодежь несколько более радикальной в требованиях, но в целом, по своей активности - на уровне основной части бастующих. Тем не менее именно молодежь оказалась той частью рабочих, которая более резко, чем другие возрастные группы, отошла от борьбы за реализацию требований бастующих. Одна из причин в том, что любая организация, претендующая на длительное функционирование, безусловно, должна думать о пополнении своих рядов молодежью. В первые месяцы деятельность рабочих комитетов по решению текущих, часто неотложных дел не позволяла уделить внимание этому вопросу в должной мере, и молодежная группа среди рабочих, не очень задействованная даже в низовых рабочих комитетах, получилась несколько отстраненной. События относительно недавние - проведение 18-19 ноября IV конференции рабочих комитетов Кузбасса - подтвердили, что к значительной части участников рабочего движения и к его лидерам не пришло еще осознание необходимости привлечь на свою сторону молодежь. Например, предложение внести в принимаемый Устав Союза трудящихся Кузбасса пункт об отношении к молодежи и молодежной политике был отклонен большинством делегатов. Выступающие отмечали недостаточность формулировки о сотрудничестве со всеми общественными организациями, в том числе и с ВЛКСМ. Этот пункт просто сняли с голосования. Таким образом, члены рабочих комитетов области на данном этапе сознательно выключили из сферы своих интересов работающую молодежь и ее проблемы, а главное, необходимость влияния на нее и сотрудничества с ней через различные (не только комсомольские) организации.

Изложенное - лишь малая толика колоссальной работы, которая необходима, чтобы объективно и качественно изучить все процессы, связанные с зарождением рабочего движения в новой складывающейся в области экономической и социально-политической обстановке. Неудовлетворительное выполнение требований Протокола, отсутствие реальных изменений в лучшую сторону по накопившимся проблемам, сохраняющаяся волокита при рассмотрении вопросов в министерствах и ведомствах - вот только несколько причин из числа тех, которые могут стать основанием для новой волны недовольства, на наш взгляд, более пагубной и непредсказуемой по масштабам и последствиям. С другой стороны, проявившаяся пока лишь среди молодежи социальная апатия и неверие в собственные силы, распространяясь на другие возрастные группы, может принести в итоге не меньший, а может быть даже больший ущерб попыткам социальных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузбасс. 1989. 15 августа.
2. Кузбасс. 1989. 15 сентября.
3. Кузбасс. 1989. 30 сентября.
4. Из Постановления IV конференции Союза трудящихся Кузбасса. 1989. 18 ноября.
5. Отчет ВЦИОМ о результатах исследования общественного мнения в регионах забастовок в июле 1989 г. от 23.08.89 г.
6. Комсомолец Кузбасса. 1989. 22 июля.
7. Кузбасс. 1989. 19 октября.
8. Кузбасс. 1989. 8 августа.
9. Доклад регионального совета о ходе выполнения Протокола IV конференции рабочих комитетов Кузбасса. 1989. 18 ноября.
10. Забастовка: вынужденная «ера защиты законных прав, но тот ли это путь? М., 1989. С. 102.